Курс сибирской науки

На фотографии слева: первый и единственный в России инфракрасный телескоп АЗТ-33ИК Саянской солнечной обсерватории Института солнечно-земной физики СО РАН (источник: *sbras.info*)

Похоже, в нынешнюю «эпоху реформ» наука Сибири отвергает все нелепое и неразумное, а принимает только полезное и конструктивное. В этом уверен вице-президент РАН академик **Валентин Николаевич Пармон**.

— У академика В.Н. Пармона было замечательное время, когда он встал с директорского кресла и сказал: «Слава богу, теперь я займусь своей наукой, солнцем, прочими вещами»... Однако судьба распорядилась иначе: пришлось возглавить Сибирское отделение РАН, то есть стать и ученым, и чиновником. Не жалеете?

— Уже два года как я председатель Сибирского отделения, и трудно сказать, есть удовлетворение либо нет, потому что время сверхсложное. Однако я убежден в том, что налицо значительное продвижение вперед. Многое зависит от нынешних выборов, потому что главная проблема в академии наук — всегда кадровая. И для нас очень важно, чтобы она решилась в пользу не только Новосибирска, но и всего Сибирского отделения. Мы ждем пополнения талантливыми и энергичными учеными. Они нужны, потому что зона Сибирского отделения (я специально посмотрел по карте) больше, чем Китай и Канада. А это самые крупные страны после России. Это первое. И второе: нам удалось сделать просто невероятное! После того как в Сибирское отделение приезжал президент страны, было несколько поручений, которые были выполнены. Одни полностью, другие частично, но выполнены! Одно из самых главных поручений — разработка и утверждение плана комплексного развития Сибирского отделения. 1 декабря 2018 г. вышло соответствующее распоряжение правительства. Исторически это только третье распоряжение самой высокой власти, которое касается развития всего Сибирского отделения. Первое было в 1957 г., и оно звучало так: «Создать Сибирское отделение и построить научный городок близ Новосибирска». С очень важной припиской: «Минфину обеспечить».

— Оно было выполнено?

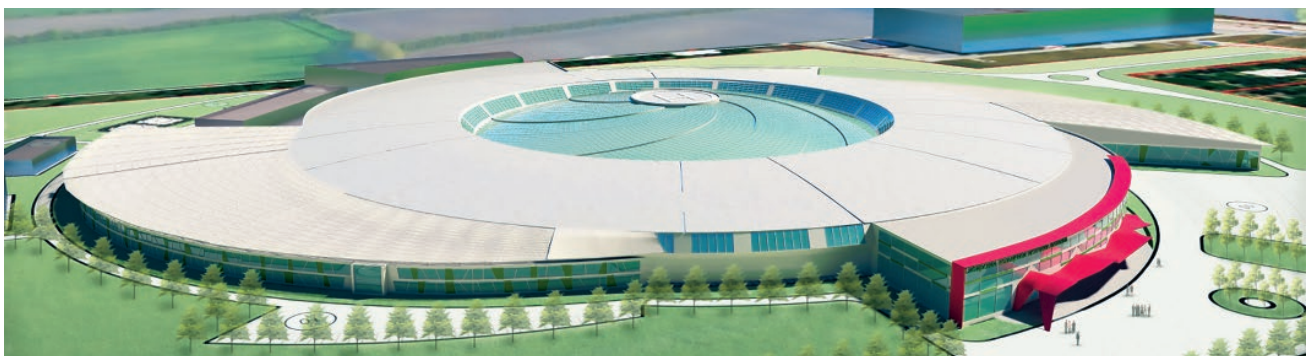
— Да, это было при академике М.А. Лаврентьеве. Второе постановление инициировано В.А. Коптюгом. Оно вышло за подписью правительства не России, а еще Совета Министров Советского Союза, и там тоже была приписка: «Минфину обеспечить». Второе постановление было очень важным для развития Сибирского отделения, так как касалось прежде всего развития региональных научных центров и социальной сферы. Было построено много жилья. И вот теперь третье постановление. Оно базируется на тех предложениях, которые мы интенсивно обсуждали в СО РАН в прошлом году. В основном перечислены мероприятия, которые мы должны осуществить. Они очень важны и совпадают с нашим представлением, что надо сделать для Сибири. Но, к сожалению, там нет приписки для Минфина.

— Вам указания даны, а об обязанностях властей ни слова?! Типичная ситуация для нынешних времен.

— Несмотря на то что соответствующей приписки нет, тем не менее определенное движение есть. Это касается самых крупных проектов. Во-первых, финансирование проекта строительства Национального гелиогеофизического комплекса Российской академии наук вокруг Байкала продолжается. Его главный инициатор — Институт солнечно-земной физики, который находится в Иркутске, и, конечно же, академик Г.А. Жеребцов. А курирует проект госкорпорация «Ростех». Конечно, возникает множество проблем, но дела идут.

— Я знаю академика Г.А. Жеребцова и его коллег, а потому уверен, что они доведут дело до конца и Россия получит уникальный исследовательский комплекс, равного которому в мире, пожалуй, нет.

— Согласен с вами. Второй объект принципиальной важности для нас — это, безусловно, синхротронный источник излучения — Сибирский кольцевой источник фотонов (СКИФ). Основные его потребители — не физики, а химики, материаловеды, те, кто занимаются лекарствами, биологи и медики, многие другие специалисты. Для нас этот объект знаковый по объему. Исходная заявка было на 39 млрд руб. Была большая дискуссия, по какому плану строить. В результате остановились на том, который подготовили сибиряки. Это уникальная машина, и она будет строиться не в Новосибирске, не в Академгородке, а рядом, в наукограде Кольцове. Это отдельное



Проект ЦКП СКИФ (источник: sbras.info)

территориальное образование, превосходно существующее и развивающееся. Основная тематика — биотехнологии, причем очень сложные. Мэр Н.Г. Красников выделил землю, подготовил площадку для создания синхротрона и готов обеспечить установку энергетикой. Что касается строительства СКИФ, мы огорчены тем, что произошла очень существенная задержка с началом финансирования. По указу президента объект должен быть сдан в эксплуатацию до 31 декабря 2023 г. Срок чудовищно короткий, а мы уже потеряли практически год. По данным наших специалистов, будет локализация производства почти 90%. Это значит, что практически все будет сделано в России.

— А Кольцово нельзя забрать в Сибирское отделение?

— Это несколько другая тема, а пока поговорим по комплексному развитию Сибирского отделения в целом. То, что касается развития Академгородка, или, более правильно, Новосибирского научного центра, — это отдельный проект, и разговор о нем особый. То, что касается всего Сибирского отделения, — это у нас в основном планы по созданию сетевых комплексных проектов. Если пользоваться старой терминологией, это интеграционные исследовательские проекты, когда задействовано сразу много институтов. Проекты по тем направлениям, которые принципиально важны для Сибири. Кстати, Сибирское отделение и было создано для того, чтобы решать такие проблемы. Одна из них у всех на слуху — проблема озера Байкал. Есть подготовленный проект по его цифровому мониторингу, он уже несколько раз предварительно обсуждался на всех уровнях. Мы надеемся, что в ближайшее время он будет запущен. Огромным успехом этого года можно считать то, что мы после полутора лет споров наконец нашли общий язык с Министерством природных ресурсов.

— Знаю, что много средств выделяется на охрану Байкала, но они разворовываются.

— До нас эти средства никогда не доходили. Сейчас, надеемся, дойдут, потому что даже Контрольное управление Администрации Президента РФ теперь опирается на сибиряков, на сибирскую науку, на экспертов, которые не понаслышке знают ситуацию по Байкалу...

— Хорошо, если чиновники наконец-то прислушаются к ученым, потому что нет уже сил терпеть безобразия вокруг Байкала!

— Будем оптимистами.

Обязательно надо сказать и еще об одном проекте — создании в институтах СО РАН в рамках национального проекта «Наука» 74 новых лабораторий с финансированием около 1 млрд руб., куда принято более 800 молодых ученых. Тематика работ этих лабораторий согласовывалась с руководством Сибирского отделения, то есть масштаб исследований расширяется. Отмечу еще один грандиозный успех — создан новый институт в Омске. Он связан с физической электроникой, в основном требующейся в специальных отраслях. Удалось сформировать новый коллектив, который, я надеюсь, будет интенсивно развиваться. Нужно поддерживать и углублять взаимодействия с промышленностью. Буквально на днях произошло одно из самых знаковых за последние 30 лет событий и для российской нефтепереработки, и для академии наук в целом: 24 октября официально стартовало строительство самого крупного катализаторного завода в России мощностью более 20 тыс. т катализаторов в год. Важно, что завод обеспечит полную импортонезависимость России по катализаторам нефтепереработки, в том числе по той номенклатуре, которая у нас совсем не выпускалась. Это самый крупный объект, который сделан полностью на технологиях академии наук, созданных в Новосибирске и Омске.

— Ученых обычно не пускают на частные предприятия: мол, зачем они нужны, когда все можно купить за рубежом. Санкции в данном случае сыграли положительную роль?

— Самую положительную! 2014 г. был решающим, когда начали объявлять санкции. И тогда Минэкономразвития обозначило четыре главных направления, наиболее импортозависимых, импортоопасных, в том числе промышленные катализаторы для нефтепереработки. Не будь санкций, завод не был бы построен...

— Недавно среди ученых проводился опрос, довольны ли они реформами в науке. Большинство сказали: «Нет». Что же это за реформы, если исполнители ими недовольны?

— Любые цифры опросов всегда лукавы. Обратите внимание на возраст опрашиваемых: в основном недовольны люди старшего возраста. Да, сделаны большие ляпы, но нельзя говорить, что все пошло не так. Хозяйственные дела ушли из институтов, из-под шапки академии, и это было, наверное, в значительной мере правильно. Большой ляп был сделан в 2014 г., когда принимали поправки к Кодексу законов о труде об ограничении возраста руководства. Да, практически во всем мире существуют такие ограничения, но нельзя вводить их одним махом, надо подходить к руководителям серьезных организаций индивидуально и решать судьбу этих институтов не путем голосований.

— Мы беседуем в здании академии наук. Рядом находится легендарный институт, который носит имя Н.Н. Семенова. Я слышал, что этот институт отправляют в Подмосковье.

— Покушаются, но пока удается его отстоять.

— Мы все время боремся за культурное наследие, но есть еще и наследие научное, разве его не следует беречь?

— Поскольку я сам выходец из этого института и три раза был председателем комиссий по комплексной проверке института еще в прежние времена, я предлагал руководству сделать специальный проект создания на базе Института химической физики федерального музея истории атомной бомбы и роли в этом академии наук. В главном здании института работало три трижды Героя Социалистического Труда.

— Плюс несколько дважды героев и просто героев.

— И единственный наш нобелевский лауреат по химии. Но все утонуло в кипе бумаг на столах чиновников...

— Аналогичная ситуация и относительно Кольцова, где будет строиться ваш СКИФ?

— По поручению президента был подготовлен план комплексного развития Новосибирского научного центра. Он был представлен вовремя, согласован с правительством. Первое, что требовалось, — определить, что такое в настоящее время Новосибирский научный центр. Это уникальное для России образование, куда входят три академгородка, наукоград Кольцово плюс индустриальное «подбрюшье» — город Бердск. В данный момент на плане Новосибирской области у губернатора четко очерчены границы того образования, которое мы называем Академгородок 2.0, либо Новосибирский научный центр. Туда входят и старый Академгородок — значительная часть Советского района города Новосибирска, и поселок городского типа Краснообск — академгородок аграриев, и Нижняя Ельцовка — академгородок медиков, и наукоград Кольцово. К сожалению, некоторые важнейшие проблемы без специальных нормативных актов очень трудно решить. Кольцово — наукоград и имеет определенные налоговые преференции, которые позволяют ему саморазвиваться. Однако статус наукограда можно давать только отдельным территориальным образованиям, основная же часть Академгородка находится в Советском районе Новосибирска, и мы не можем получить на него статус с преференциями. В прошлом году вышел новый, 216-й федеральный закон о создании инновационных научно-технологических центров, который позволяет таким центрам быстро решать проблемы самим и саморазвиваться. По-старому это называлось поясом внедрения М.А. Лаврентьева. И нам нужно вновь добиваться того, что когда-то при создании и развитии Академгородка решалось мгновенно.

— У меня такое впечатление, что академик, блестящий ученый занимается в основном чисто бумажными вещами.

— Ну, не только. У меня совсем недавно вышел очередной учебник.

— Итак, реформа науки. Что мы имеем за пять лет?

— Рейтингование институтов по формальным, в основном наукометрическим показателям — это в значительной мере надуманное.

— И огромное количество разных бумаг, которые необходимо сочинять ученым. Отсюда и массовое недовольство. Наука превращается в бумаготворчество, не так ли?

— К сожалению, без бумажки мы букашки. Я считаю, что самую важную для себя школу управления прошел не в академии наук, а в Госкомитете науки и техники и Госплане СССР. И там меня научили, что любые решения всегда принимаются, когда есть бумага, на которой что-то написано, на которой появляется поручение начальника. Что же касается развития науки — теперь мы лишились того мощного аппарата, который был в прежней академии и который готовил соответствующие бумаги. И теперь их приходится готовить самим. Не могу сказать, что это наилучший способ использования ученого. Но пока иного не дано. Наша главная задача — сделать так, чтобы зона Академгородка Новосибирского научного центра получила определенные преференции, наподобие таких, как у Сколкова. Для чего это надо? Сейчас появилось много крупных корпораций и частных структур, которые хотят «сесть» на нашу территорию, чтобы быть рядом с большой наукой. К сожалению, даже передача свободной территории под строительство объекта — всегда жуткое количество бумаг. Но если у нас будут определенные преференции, то часть неиспользуемых земель, которые у нас еще остались на балансе, мы готовы передать под такое развитие. Это будет та территория, на которой можно мобильно создавать огромные исследовательские и инновационные центры. Где главные интересы нашей промышленности? Первое — это, безусловно, микроэлектроника. Новосибирск — зона микроэлектроники. Второе — генетические технологии. Третье — безусловно, то, что сейчас называют «искусственный интеллект». Далее — то, что связано с энергонасыщенными технологиями: космические и военные аппараты, современные турбины. Все это заложено в нашем плане развития. Естественно, у нас очень хорошо развито сельское хозяйство. Еще у нас есть крупнейший медицинский центр. Один из главных объектов — создание научно-образовательного комплекса по биомедицине. К сожалению, инструментов для продвижения задуманного вперед стало сейчас намного меньше. РАН и ее

региональные отделения не имеют даже права проводить научные исследования. Мы потеряли право получать деньги и распределять их по тем структурам, которые должны получить финансирование для проведения актуальнейших научных работ. Например, у нас два новых важнейших поручения. Первое — по развитию науки и экономики Ангаро-Енисейского макрорегиона. Это, если хотите, восстановление программы «Сибирь». Поручение есть, но мы ни копейки не получили для его выполнения. Второе — лесные пожары. Эти поручения очень серьезные, чтобы их выполнять, нужны специальные деньги. Министерство науки не может их выделить, так как оно может финансировать только госзадания на проведение исследований, а не работы по выполнению поручений президента. Оформить госзадание — очень долгая процедура. Здесь же оперативные вопросы. Мы не против, пусть деньги дает министерство. Но процедура принятия решения и резервирования денег в обсуждаемом случае должна быть особенная. Причем по этим направлениям, как вы понимаете, отчетность в публикациях — это третье-десятое дело. Надо сказать, что нынешняя система отчетности в академии наук бьет по рукам тех, кто желает работать для обороны, экономики и промышленности. В этих областях работы не публикуют. Сейчас же результат работы научного коллектива оценивается в основном по числу часто никому не нужных публикаций.

— Вы сказали две страшные вещи. Первое: невольно сравнили Сибирское отделение РАН и Сколково. И выясняется, что Сколково в лучшем положении, чем все Сибирское отделение?

— По некоторым направлениям они действительно в лучшем положении.

— И вторая вещь: у вас как вице-президента есть деньги? Я помню, что в советские времена у М.В. Келдыша был миллион рублей, который он мог выделить любому ученому, если считал его исследование нужным и полезным. Тогда это было больше, чем миллион долларов…

— Сейчас ни у А.М. Сергеева, ни у вице-президентов нет ни копейки. Мы тоже работаем по госзаданию. Для нас это количество экспертиз, которые мы выполнили.

— То есть, например, есть блестящая работа на полмиллиона долларов — и вы не можете ее профинансировать?

— Сейчас нет. До 2013 г., то есть до начала реформы академии, могли.

— Значит, ученому нельзя жить в эпоху реформ?

— Наука держится на человеке, у которого блестят глаза, который что-то желает сделать и у него это получается. И если при этом он еще может сделать полезное для коллектива, для Сибири, для Сибирского отделения, это как раз тот человек, которого мы должны поддержать.

— Я слежу за ситуацией вокруг академии наук. Мне нравится, что Сибирское отделение академии наук не сдается, что вы отстаиваете свои позиции.

— Пока удается это делать. Впрочем, мы согласны в ряде случаев идти на осознанные компромиссы, которые не нарушают общее понимание нашей стратегии развития.

— Науку ругают, а желающих попасть в академию становится все больше. Конкурс на одно место — десять человек! Такого раньше не было. Почему это происходит сейчас, не в самое лучшее для РАН время?

— Это следствие одного из антагонистических противоречий академии наук. Оно связано с тем, что в члены академии выбирают академики и есть инфляция по возрасту. Превосходных ученых становится все больше, а в предыдущие годы мы не смогли выбрать в академию тех, кто этого давным-давно заслуживал. Сейчас вот в Сибири 141 институт, и только меньше чем в 20 руководители — члены РАН. Есть руководители региональных научных центров в статусе кандидата наук. Вы могли это себе представить раньше?

— Нет, конечно.

— Мы тоже до сих пор не можем. Пока во главе института, который считается академическим, стоит не член РАН, он потихонечку отодвигается от академии наук. И со временем у такого руководителя возникает вопрос: а зачем вообще академия наук? Я и без нее живу. В прежние годы руководство страны ставило перед академией наук задачи, на их решение выделялись ресурсы и академия наук могла эти ресурсы использовать. А сейчас у нас этих инструментов нет.

— Все это говорит о том, что к науке у властей не то отношение. Согласны?

— Согласен. Недавно был форум «Технопром» в Новосибирске, и после выступления очень высокого чиновника из Госдумы ему задали вопрос: какой самый главный движитель прогресса в экономике России — государство, бизнес либо наука? Он безапелляционно заявил, что бизнес. Мне пришлось вмешаться и сказать, что на самом деле главным движителем должно быть умное государство — государство, которое опирается прежде всего на образование и на науку. ■

Беседовал Владимир Губарев